

Научная статья

УДК 340.15

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.14.3

Тимонин Анатолий Николаевич

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия,

timonin.anatoly2011@yandex.ru

РОССИЯ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ: ОПЫТ ПРОБЛЕМНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФРАГМЕНТОВ ПЕРЕХОДНОГО СОСТОЯНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Аннотация. Актуальной задачей отечественной юриспруденции на современном этапе ее развития является необходимость всестороннего изучения переходного состояния юридического образования и науки нашей страны. В статье рассмотрен современный контекст, в котором эволюционирует российская юриспруденция и учебный процесс в юридических вузах, выявлены некоторые проблемы и возможные пути их решения. Так, от избыточной бюрократизации учебного процесса десятилетиями страдает вся высшая школа России. От засилья эталонного подхода, произвольных абстрактных моделей, никак не связанных с российской цивилизационной спецификой, до сих пор не удалось избавиться отечественным теоретикам права. Выход из столь непростой ситуации, в которой оказались ученые-юристы и преподаватели вышей школы, видится в активизации междисциплинарного сотрудничества с отечественной политологией, представленной в настоящей статье творчеством А.С. Панарина, и дебюрократизации учебного процесса.

Ключевые слова: государство, государство будущего, российское государство, юридическое образование, юридическая наука, переходное состояние

Для цитирования: Тимонин А.Н. Россия между прошлым и будущим: опыт проблемно-теоретического анализа фрагментов переходного состояния юридического образования и науки / А.Н. Тимонин // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 2. – С. 23–34. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.14.3.

Original article

Timonin Anatoly Nikolaevich

Bashkir State University, Ufa, Russia, timonin.anatoly2011@yandex

RUSSIA BETWEEN THE PAST AND THE FUTURE: EXPERIENCE PROBLEM THEORY ANALYSIS OF FRAGMENTS OF TRANSITIONAL STATE OF LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

Abstract. The urgent task of domestic jurisprudence at the present stage of its development is the need for a comprehensive study of the transitional state of legal education and science of our country. The article considers the modern context in which Russian jurisprudence and the educational process in the law schools of our country evolves, identifies some problems and possible ways of their solution. Thus, the entire Russian high school suffers for decades from excessive bureaucratization of the educational process. Domestic legal theorists have not yet managed to get rid of the domination of the reference approach, arbitrary abstract models, which have nothing to do with the Russian civilization specificity. The way out of such a difficult situation, in which scientists-lawyers and teachers of higher school appeared, is seen in activation of interdisciplinary cooperation with the domestic political science, presented in this article by the work of A.S. Panarin, and de-bureaucratization of the educational process.

Keywords: state, future state, Russian state, legal education, legal science, transition state

For citation: Timonin A.N. Russia between the Past and the Future: Experience Problem Theory Analysis of Fragments of Transitional State of Legal Education and Science. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 2, pp. 23–34. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.14.3 (In Russian).

В поисках ответов на вопросы о том, почему все попытки создать новый Союз государств вместо распавшегося СССР, начатые с Новоогарёвского процесса, завершились безрезультатно и какая модель будущего развития нашей страны наиболее приемлемая, вынесенные на повестку конференции, посвященной 50-летию присоединения Уфимского филиала Свердловского юридического института к Башкирскому государственному университету, пришлось обратиться к спасительным ресурсам Интернета, поскольку в домашней библиотеке каких-либо солидных научных разработок, прямо посвященных будущности государственности вообще и российской государственности в частности, обнаружилось не так много, как необходимо для под-

готовки научного доклада и соответствующей публикации. После недолгих поисков компьютер выдал имена Н. Хомского и Б. Джессопа, в чьих работах данная проблематика была рассмотрена в самом общем плане.

Книга Хомского написана на основе лекций, прочитанных автором в далеких 1970-х годах, когда в Америке были сильны антивоенные настроения. Под влиянием этих настроений Хомский рассматривал всякое государство прошедшей эпохи, будь то Американское или же Советское, как неизбежное зло, ибо первое воплощало в жизнь ценности и установки государственного капитализма, второе – государственного социализма. Этим двум идеологиям он противопоставлял третью – «либертарианский социализм», включив в него «самый широкий спектр воззрений: от левого крыла марксизма до анархизма». Прямым предшественником такого рода «социализма» Хомский считал классический либерализм. Поскольку демократия и капитализм в его глазах – вещи несовместные, то «упразднить репрессивные и авторитарные институты, как государственные, так и частные» способно «только народное революционное движение» [1, с. 5–6, 90].

Совершенно очевидно, что никакого сколько-нибудь широкого народного движения, тем более движения революционного, в последние десятилетия в современных США как не было, так и не наблюдается вплоть до сего времени. Поэтому те идеалы, которые Хомский так настойчиво продвигал еще в годы вьетнамской войны, оказались утопичными.

Несколько сложнее дело обстоит с концептуальными взглядами Б. Джессопа. В одной из своих монографий, вышедшей не так давно в нашей стране, он ставит вопрос: куда идет государство? И тут же приводит собственный ответ: «рассуждения об отдаленном будущем государства – пустая затея, даже более пустая, чем попытки охватить "пестрое разнообразие сегодняшних государств" в рамках единой теории» [2, с. 447]. Заняв столь радикальную позицию в этом вопросе, Джессоп полностью солидаризируется с Н. Луманом. Видный немецкий социолог настаивал на том, что «единственная вещь, которую мы знаем о будущем, это то, что оно будет отличным от настоящего» [3, р. 21]. Может показаться, что Джессоп не готов даже в гипотетической форме рассуждать о будущем государства. Но буквально через несколько страниц мы узнаем о том, что «настоящее будущее государственности не предполагает конца государства как особой формы территориализации политической власти, но будут иметь место более сложные формы многопространственного метауправления, организованного в тени национальных и региональных государств» [2, с. 448, 451].

Вряд ли такой туманный вывод устроит кого-либо в нашей стране, начиная от простых сограждан и заканчивая академиками. Сегодня образ будущего России жизненно необходим всем ее жителям. Другое дело, что да-

же такой видный представитель законодательного корпуса России, как К. Затулин, выступая на одном из телеэфиров В. Соловьева, был вынужден признать: «Мы не знаем, что будет с нашей страной через год».

Футурология всегда находилась весьма далеко от научных интересов любого автора, специализирующегося в области истории государства и права. Но без прошлого, как хорошо известно, нет и быть не может будущего. К сожалению, в отечественной науке до сих пор нет внятного ответа на вопрос о том, что представлял собой СССР накануне своего краха, к какому историческому типу государства мы должны его отнести? Поэтому любой прогноз, любое теоретическое построение, направленное на поиск «модулей будущего нашей страны», выглядит как «уравнение с двумя неизвестными», как движение от неизвестного советского прошлого к неизвестному постсоветскому будущему.

Представляется, что в роли «окон», позволяющих хоть краешком глаза взглянуть на будущее нашей страны, могли бы выступить два социальных института – система высшего образования и наука, но, учитывая переходное состояние и того и другого, об окончательном разрешении данной проблемы говорить не приходится. Речь идет только о первых подступах, если угодно – о формировании предпосылок полноценного анализа рассматриваемой проблематики.

Не погружаясь глубоко в область новейшей истории России, считаю своим долгом напомнить, что все мы некогда жили под властью великой идеи. Жили десятилетиями, десятилетиями нам всем внушали: «Будет людям счастье, счастье на века», что следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Всем известно, что из этого получилось. Ныне, когда утопизм левого толка вышел из моды, наступила пора утопизма правого. Теперь вместо коммунистического рая нам предлагают уверовать в рай юридический. Казалось бы, прошедшие десятилетия должны были научить всех без исключения тому, что райские кущи бесполезно искать на грешной земле, что рай – это место, куда доступ всем грешникам, будь то левого или же правого толка, закрыт по определению. Но не тут-то было. В который раз нам предлагают забыть обо всех проблемах текущей повседневности и взглянуть далеко за горизонт сегодняшнего дня.

Поскольку кое-кто из экспертов, комментируя растущее санкционное давление стран Запада на Россию, удрученно заявляет: «Будем жить, как в Советском Союзе», – есть смысл хотя бы вскользь взглянуть на ту эпоху, которая получила характерное наименование эпохи застоя.

Все мы когда-то были студентами, всем советским студентам вне зависимости от избранной специальности полагалось с особым почтением относиться к Моральному кодексу строителя коммунизма. Поэтому плакаты с

выдержками из этого кодекса висели в каждом студенческом общежитии. Но, несмотря на всю мощь партийно-государственного аппарата, на размах его пропаганды, реакция тогдашних студентов могла до глубины души поразить любого аппаратчика. Все проходили мимо, не обращая ровно никакого внимания на эти плакаты.

До сих пор вспоминается один из самых расхожих лозунгов той эпохи: «Все для человека, все для блага человека»! Хотя далеко не всем удалось вкушать прекрасные плоды в процессе реализации этого лозунга, но теперь приходит понимание, что государство той эпохи, несмотря на все очевидные проблемы и недостатки, было все же государством социальным. Так, все дети моих родителей – простых сельских учителей – смогли получить высшее образование, все стали специалистами в своем деле, все были обеспечены рабочими местами. Родители, конечно же, помогали, ибо в экономическом плане многие советские студенты и даже молодые специалисты жили скудно, жили бедно. Тем менее одним из важнейших достижений советской эпохи считалась уверенность в завтрашнем дне. Правда, с углублением общего кризиса СССР советских людей все чаще посещали другие чувства, например, чувство глубокого разочарования и в идеологии, и в идеологах, и в руководителях той эпохи.

Одним из результатов расхождения между словом и делом, между пропагандистскими лозунгами и реальной действительностью стала дискордантная лихорадка, которая в студенческой среде расцвела пышным цветом. По мере взросления студентов медленно, но верно происходила эрозия советского образа жизни, эрозия официальной идеологии. Стоит ли удивляться тому, что повзрослевшие выпускники советских вузов так легко согласились поменять советские социальные достижения на обещанное праорабами перестройки и младореформаторами материальное благополучие и личные права.

Прошли годы, десятилетия, и многим стало ясно, что СССР рухнул прежде всего потому, что проиграл битву за молодежь идеологически. Одновременно выяснилось, что обещанный всему советскому народу новый государственный строй, избавленный от кричащих диспропорций АБС, – это строй не для всех: далеко не все россияне смогли регулярно выезжать за рубеж, приобретать себе новые квартиры, иномарки и прочие «буржуазные удовольствия», которыми сегодня гордится К. Собчак. Вскоре все убедились, что на смену прежнему советскому бюрократизму, по поводу которого так много говорилось в годы перестройки, пришел бюрократизм постсоветский, в отдельных сферах по масштабу превзошедший своего предшественника.

В.И. Ленин поучал: «Социализм – это учет»! Сегодня многим понятно, что формирующийся капитализм – это учет в квадрате или же в кубе. Хотя

плановой экономики давно уже нет, зато плановые показатели по-прежнему висят над головой любого бюджетника как дамоклов меч. УМК, ФОСы, РПД, периодически обновляемые в соответствии с все новыми ФГОСАМИ, стали регулярной практикой в каждом вузе. Когда И. Хакамада стала известным всей стране депутатом, ее спросили: «Ирина, почему ты оставила преподавательскую работу ради депутатской карьеры»? Ответ ее свелся к тому, что в постперестроечный период преподавателей вынудили заниматься довольно странной, на ее взгляд, деятельностью – составлять и пересматривать рабочие программы дисциплин.

В советское же время от преподавателей не требовали каких-либо методических изысков – достаточно было планов семинарских занятий, размноженных для студентов. Конечно же, существовали и базовые учебники, и дополнительная литература по тем или иным дисциплинам. Но лекции, как поучал своих коллег и аспирантов декан юридического факультета ЛГУ профессор А.И. Королев, допускалось проводить в импровизационной манере. Само собой разумеется, что никаких тестов, от которых призывал отказаться в Америке Б. Обама, тогда еще не было. Не было и учебных занятий в дистанционном формате. Все заменяло в те годы живое общение преподавателя и студента.

Ни для кого не секрет, что СССР пал без единого выстрела, пал прежде всего потому, что проиграл Западу идеологически. В последние годы, когда противоборство нашей страны с государствами евроатлантической цивилизации обострились до крайности, нам недостает не только новой государственной идеологии, но и такой системы образования, которая была бы способна формировать подлинных патриотов страны, а не одних лишь грамотных потребителей чужой продукции. Многие из такого рода потребителей уже сегодня предпочитают потреблять товары там, где их производят. Пора, давно пора понять, что действенная система образования столь же важна, как и оборона страны. Но, отвечая на призыв В. Третьякова устранить прозападный курс в системе образования, В. Соловьев не так давно заявил: «Для нас сегодня проблемы образования находятся на 120 месте». Разумеется, в разгар учебного года трудно что-то изменить кардинально, но избавить преподавателей от изнурительной борьбы с Рособрнадзором вполне по силам не только министру В.Н. Фалькову, но и его подчиненным. Итак, деbüroкратизация и еще раз деbüroкратизация – вот что лежит на поверхности и что жизненно необходимо для успешной реализации учебного процесса.

Второй не менее важный вопрос связан с азами юридической науки и самой образовательной деятельности. Начнем с самой первой темы «Предмет и методология дисциплины». Десятки лет нам внушали: закономерности, закономерности и еще раз закономерности возникновения, развития и

функционирования государства и права составляли и составляют предмет не только теории, но и истории государства и права. И все это периодически возобновляется, несмотря на то что еще в 1998 г. Л.С. Мамут, проанализировав формулировки главной задачи теории государства и права начиная с 40-х годов прошлого века, отмечал: «"Зацикленность" на закономерностях очевидна» [4, с. 1].

«Пересмотреть ... представление о правовых закономерностях» призывает и И.Л. Честнов, который готов говорить о них, только как «об условных и вероятностных тенденциях» [5, с. 35–36]. К такому выводу он пришел вслед за Р. Будоном. Господство в классической науке универсальных и вневременных закономерностей французский ученый считал главной причиной краха теорий социального изменения [6, с. 5, 216]. Могут возразить: а в чем проблема, ведь наука, по мнению ряда ученых, может только тогда считаться наукой, когда ее предметом служат именно закономерности.

Проблема заключается в том, что слово «закономерности» легко произнести, а вот вывести и обосновать ту или иную закономерность получается далеко не у всех. Более того, когда даже сама дефиниция предмета научной дисциплины сводится к тем или иным закономерностям, как показал в 1989 г. В.А. Козлов на примере общей теории права, тогда столь распространенный в юридической науке стереотип «по существу характеризует лишь основные задачи правопознания» [7, с. 33].

Несмотря на десятилетия, прошедшие с той поры, данные задачи еще ждут своих исследователей. Сказанное вовсе не означает полного отрицания самой возможности выведения каких-либо государственно-правовых закономерностей. Другое дело, что «процесс исследования государственно-правовой закономерности, – как верно подметил В.Ю. Ветютнев, – всегда должен опираться на достаточный массив эмпирических данных; он не может вестись спекулятивным, умозрительным путем, сводиться к сопоставлению абстрактных понятий» [8, с. 27].

Хорошо известно, что лучше всех осуществить данный процесс удалось Аристотелю, который со своими учениками, опираясь на богатейший эмпирический материал, проанализировал конституции 158 современных ему государств. Ни Дж. Локк, ни Ф. Энгельс не смогли даже приблизиться к столь впечатляющим результатам Аристотеля. И тот и другой строили свои теории на трех крупных примерах. Локк опирался на собственную интерпретацию исторического развития Рима, Тарента и Венеции. У Энгельса Рим представлен в комбинации с Афинами и так называемой германской формой.

С легкой руки В.И. Ленина в центре внимания ученых-юристов нашей страны оказалось учение именно Энгельса, в котором особое значение отводится «классической форме» возникновения государства – той самой

идеологизированной конструкции, которая десятилетиями некритически воспроизводилась на страницах научных статей, монографий и, конечно же, юридических учебников. И хотя Советского Союза давно уже нет, с проявлениями эталонного подхода, положенного в основу догматического стиля преподавания юридических дисциплин, приходится сталкиваться до сего времени. «Классическая форма» Ф. Энгельса, сконструированная им на примере древних Афин, нет-нет да и напомнит о себе в том или ином современном учебнике по теории государства и права. При этом его авторы не уточняют, какова научная значимость афинского эталона для государственно-правового развития нашей страны, периодически дрейфующей между восточным и западным «полюсами».

Давно замечено, что отечественные теоретики склонны строить свои воздушные замки без какого-либо фундамента – эмпирического базиса, ограничиваясь одним лишь фасадом. Столь же давно, еще в 1340 г., преподаватели юридического факультета – настоящие доктора Сорбонны – приняли постановление, в котором утверждалось: «Мы полагаем, что там, где отсутствует фундамент, нельзя производить надстройку, и что не через нарушение последовательности степеней, а постепенно и своевременно должно восходить к более высоким должностям и наукам» [9, с. 60–61].

Хотя это постановление было адресовано студентам, не обладающим достаточно твердыми начальными познаниями, оно порой может быть вполне применимо и к индивидам с учеными степенями. Примером тому может служить «творчество» М.Р. Габитова, в котором обнаруживает себя эталон правого толка.

М.Р. Габитов, ничуть не сомневаясь, утверждает: «История показывает, что в России было принято христианство, которое зародилось на Западе, а "самобытная" российская жизнь взяла за основу не западную частную собственность, а возвела в закон христианское социальное неравенство» [10, с. 110]. Как будто христианство возникло не в Палестине, которая и в период римского господства бережно хранила свое восточное наследие, а на далеком от Руси Западе. Как будто частную собственность можно было столь же просто позаимствовать на том же Западе, как серебряные монеты или же стальные мечи, и столь же просто можно было внедрить ее в общественную жизнь Древней Руси.

Чем же объяснить навязчивое стремление кроить и перекраивать историю нашей страны? Прежде всего тем, что автор руководствуется таким подходом, который, казалось бы, уже давно предан забвению современной исторической наукой. Речь идет о так называемом эталонном подходе, согласно которому автор совершенно произвольно избирает тот или иной об-

разец, не утруждая себя сколько-нибудь широкими сравнительно-историческими изысканиями.

Для М.Р. Габитова именно этот произвольно сконструированный им эталон является единственно правильным и в методологическом, и в историческом плане. Поэтому самобытность России, российского государства и права, на любом из исторических этапов их эволюции отрицается им, что называется, по определению. Поэтому вся российская специфика отождествляется им с теми или иными ограничениями, при помощи которых государственная власть нашей страны не раз сводила и собственность, и свободу собственников к нулевой отметке. Итак, вовсе не объективные условия, определили самобытность исторического пути, пройденного государством российским, – таковых, по мысли автора, не было и быть не могло, а одни лишь ограничения, притеснения, исходящие от самого государства – вот то главное, чем он готов объяснять отсутствие в нашем Отечестве каких-либо в точности реализованных западных конструкций. Примечательно, что у М.Р. Габитова речь идет именно о конструкциях, причем конструкциях сугубо произвольных, извлеченных им без должного на то обоснования из римской истории и столь же механически перенесенных на историю западноевропейских средневековых государств и евроатлантических государств эпохи модерна. При таком подходе вся работа с необходимостью приобретает сугубо обзорный характер, чего не скрывает и сам автор, у которого один «исторический обзор» приходит на смену другому, лишая себя даже призрачной возможности претендовать на статус собственно исторического исследования, немислимого без соответствующей эмпирической базы.

В погоне за мнимыми закономерностями М.Р. Габитов не хочет замечать очевидного – особого состояния российской государственно-правовой жизни: она была, есть и будет жизнью самобытной. Несмотря на все попытки что-либо и когда-либо позаимствовать у Запада, Россия до сих пор остается именно Россией. Демонстрируя полное непонимание цивилизационных устоев нашей страны, М.Р. Габитов категорически настаивает на том, что «российское государство приняло западную модель государственности и закрепило приоритет западных принципов». Поэтому оно «должно этих принципов придерживаться». Новоявленный диктатор твердо убежден в том, что все и вся должны подчиняться его воле. Не являются исключением в этом плане и «общетеоретические дисциплины», в состав которых он, наряду с теорией государства и права, почему-то включает историю государства и права зарубежных стран, а также историю государства и права России. Оказывается, все что ни делалось до столь самонадеянного и решительного преобразователя юридического образования в нашей стране – делалось неверно. Поэтому историю государства и права зарубежных стран М.Р. Габитов

решительно сводит к иллюстрации нехитрой схемы – «к становлению единых мировых правовых принципов».

Сходная судьба уготована им истории государства и права России, которую «нужно рассматривать с позиции движения российской истории к принципам западной государственности и статьям [так в тексте!] международных норм».

Не забыл М.Р. Габитов и о теории государства и права. Все ее богатство он подчинил рассмотрению единственной цели – наблюдать за тем, «как творчество автора теоретической работы находит практическое применение ... во всем мировом правовом развитии» [10, с. 258]. Налицо большевизм, вывернутый наизнанку. Все тот же ничем не обоснованный универсализм, все то же стремление настолько упростить реальные государственно-правовые процессы и явления, чтобы исказить их до неузнаваемости. Такой подход роднит М.Р. Габитова с его же идейными противниками.

Прямую противоположность предельно схематичной картине государственно-правовой эволюции России, предложенной М.Р. Габитовым, представляет собой целый ряд работ, посвященных данной проблематике, принадлежащих перу ныне покойного отечественного политолога и философа А.С. Панарина. Задолго до событий на Украине он предвидел тотальную конфронтацию современной России с Западом. Коллективный Запад «...выталкивая Россию из общей системы европейской безопасности и понижая ее статус как неевропейской державы ... способствует архаизации поведения России...» [11, с. 242, 357, 359, 365]. Драматизм ситуации заключается в том, что имперскую архаику, ту самую архаику, которую в постперестроечный период воспринимали как сугубо устаревшую, давно утратившую свою привлекательность государственную форму, России придется вновь использовать для силовой сборки постсоветского пространства.

Предугадал А.С. Панарин и крутой поворот России как «евразийской державы, ищущей союза с Китаем» к Востоку. Предвидел он и необходимость поиска российской альтернативы тому «глобальному тупику», в который нас влекут отечественные западники – поборники «маленьких буржуазных удовольствий», столь ярко сегодня представленные К. Собчак. А.С. Панарин предрекал россиянам, что для них вновь станут актуальными императивы советского пуританизма. Вопреки М.Р. Габитову, который с упорством, достойным лучшего применения, навязывает нам новый вид идеологического диктата под «демократическим» соусом, А.С. Панарин «наиболее продуктивной» считал не западную модель, а неоконсервативную [11, с. 331].

Однако вовсе не все из того, что некогда выдвигал Александр Сергеевич, сегодня выглядит бесспорным. Дискуссионным, например, представляется его постоянное стремление к отождествлению российской цивилизации

с государственностью, но научные подходы А.С. Панарина, его научное наследие, вне всякого сомнения, заслуживают самого пристального внимания. В частности, несомненный интерес представляет культуроцентричный подход, его реализация А.С. Панариным в процессе самопознания России, выявление основ ее жизнестойкости и глубочайшего своеобразия. Все эти проблемы особо значимы не только для политических философов – благодаря своему междисциплинарному статусу они могут и должны стать объектом специальных юридических исследований.

Список источников

1. Хомский Н. Государство будущего / Н. Хомский. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2012. – 104 с. – URL: https://vk.com/wall-61771654_1326.
2. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / Б. Джессоп ; пер. с англ. С. Моисеева ; под науч. ред. Д. Карасева. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 504 с. – URL: https://vk.com/wall-52136985_42400.
3. Luhmann N. Observations on Modernity / N. Luhmann ; translated by W. Whobrey. – Stanford, California : Stanford University Press, 1998. – 147 p. – URL: <https://b-ok.global/book/16453184/a6ea59>.
4. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении / Л.С. Мамут. – Москва : Норма, 1998. – 45 с.
5. Честнов И.Л. История и методология юридической науки : учебник / И.Л. Честнов. – Москва : ИНФРА-М, 2019. – 281 с.
6. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения / Р. Будон ; пер. с фр. М.М. Кириченко ; науч. ред. пер. М.Ф. Черныш ; Ин-т Открытое о-во. – Москва : Аспект Пресс, 1998. – 283 с.
7. Козлов В.А. Проблемы предмета и методологии общей теории права / В.А. Козлов. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1989. – 116 с.
8. Ветютнев В.Ю. Государственно-правовые закономерности. (Введение в теорию) / В.Ю. Ветютнев. – Элиста : Джангар, 2006. – 263 с.
9. Постановление докторов Сорбонны // История средних веков. Хрестоматия. Пособие для учителей / сост.: В.Е. Степанова и А.Я. Шевеленко. Ч. II. – Москва : Просвещение, 1974. – С. 60–61.
10. Габитов М.Р. Закономерности становления западной государственности и история российского государства и права : учебное пособие / М.Р. Габитов. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. – 263 с.
11. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке / А.С. Панарин. – Москва : Логос, 1998. – 389 с.

References

1. Chomsky N. Government in the Future. New York, Seven Stories Press, 1970. 80 p. (Russ. ed.: Chomsky N. Government in the Future. Moscow, Al'pina Non-Fiction Publ., 2012. 104 p. Available at: https://vk.com/wall-61771654_1326).
2. Jessop B. The State. Past, Present, Future, Cambridge, Polity Publ., 2016. 303 p. (Russ. ed.: Jessop B. The State: Past, Present and Future. Moscow, Delo Publ., 2019. 504 p. Available at: https://vk.com/wall-52136985_42400).
3. Luhmann N. Observations on Modernity. Stanford University Press, 1998. 147 p. Available at: <https://b-ok.global/book/16453184/a6ea59>.
4. Mamut L.S. State in the Value Dimension. Moscow, Norma Publ., 1998. 45 p.
5. Chestnov I.L. History and Methodology of Legal Science. Moscow, INFRA-M Publ., 2019. 281 p.
6. Budon R. A Place of Disorder. Criticism of Theories of Social Change. Moscow, Aspekt Press Publ., 1998. 283 p.
7. Kozlov V.A. Problems of the Subject and Methodology of the General Theory of Law. Leningrad State University, 1989. 116 p.
8. Vetutnev V.Yu. State Legal Patterns. (Introduction to the Theory). Elista, Dzhangar Publ., 2006. 263 p.
9. Decree of the Doctors of the Sorbonne. In Stepanova V.E., Shevelenko A.Ya. History of the Middle Ages. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974, pt. II, pp. 60–61. (In Russian).
10. Gabitov M.R. Patterns of the Formation of Western Statehood and the History of the Russian State and Law. Bashkir State University, 2008. 263 p.
11. Panarin A.S. History's Revenge: Russian Strategic Initiative in the 21st Century. Moscow, Logos Publ., 1998. 389 p.

Информация об авторе

Тимонин Анатолий Николаевич –
доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры
теории государства и права
Института права Башкирского
государственного университета

Information about the Author

Timonin Anatoly Nikolaevich –
Doctor of Law, Professor, Professor of
the Chair of Theory of State and Law,
Institute of Law, Bashkir State
University

Статья поступила в редакцию 07.03.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 05.04.2022.

The article was submitted 07.03.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 05.04.2022.